

онтологических и гносеологических, познавательных основоположений с языка науки на язык богословия, а с языка богословия на язык науки. С обеих сторон требуются благожелательная терпимость, готовность понять собеседника и оппонента, чтобы диалог между ними стал плодотворным.

Литература и источники

1. Сила нации – в силе духа. Книга размышление Святейшего Патриарха Кирилла. – Минск, 2010.
2. Бердяев, Н. А. Философия свободы. Смысл творчества / Н. А. Бердяев. – М., 1989.
3. Булгаков, С. Н. Православие / С. Н. Булгаков. – М., 2003.
4. Карсавин, Л. П. О личности / Л. П. Карсавин // Религиозно-философские сочинения. – Т. 1. – М., 1992.
5. Толстой, Л. Н. Публицистические произведения 1886–1908. Собр. соч. в 22 томах. Т. 17 / Л. Н. Толстой. – М., 1984.
6. Нестерук, А. Логос и Космос. Богословие, наука и православное предание / А. Нестерук. – М., 2006.
7. Булгаков, С. Н. Свет не вечерний. Созерцания и умозрения / С. Н. Булгаков. – М., 1994.

ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНОСТЬ И ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

М. А. Можейко

Два последних тысячелетия в эволюции европейской культурной традиции прошли под знаком христианской веры. Практически во всех своих проявлениях европейская культура может рассматриваться как глубоко и фундаментально детерминированная христианскими ценностями.

Идеалы и ценности христианства оказали как аксиологическое, так и содержательное влияние на развиваемые в контексте этой культуры: мораль (практически все кодексы которой генетически восходят к библейскому декалогу); искусство (включая и тематику, и образный строй); философию (от базисной для европейской традиции универсальной идеи трансцендентализма и до предельно конкретной специфики артикуляции схоластикой онтологической и гносеологической проблематики, оказавшей влияние на все последующее историко-философское развитие Европы); доминирующие системы ценностей (переосмысление таких фундаментальных для человеческого бытия универсалий, как добро, справедливость, свобода, любовь и счастье) и культурные идеалы, а также осознание этой культурой себя как векторно-ориентированной в будущее, что остро артикулирует ее в контексте феномена Надежды. Но особое значение для развития культуры западного образца имеет то обстоятельство, что религиозная традиция, на которой эта культура основана, является традицией теистической.

Православие представляет собою яркое воплощение теизма, основываясь на Тринитарном догмате о бытии всеблагого, всеведущего и

всемогущего Бога. Фундаментальной характеристикой православия является его принципиальная диалогичность: православная вера задает особо напряженную артикуляцию эмоционально-психологической компоненты религиозного сознания. В соответствии с этим, православие как религия личного Бога предлагает и особую интерпретацию личности, понимающей человека в качестве неповторимой и уникальной субъективности, выступающей как особая ценность. В рамках теистической веры индивидуальное *я* уже изначально находится в сакральном диалоге с Божественным *Я*, для которого оказываются значимыми тончайшие нюансы душевного состояния верующего. И если в религиях нетеистического типа максимальную позицию значимости занимает внешний ритуал, отправление культа (греко-римская религия, синтоизм и др.), то в теистических традициях на эту позицию выдвигается именно вера, степень ее глубины и искренности – «сердечная вера» в православии.

Тем самым в православной традиции самыми значимыми становятся именно личностные, неформализуемо интимные, душевные состояния верующего. Ибо даже при скрупулезном соблюдении культовых требований можно оказаться грешником, согрешив «в душе своей» или лелея в ней «червеца сомнения», и, напротив, погрешности во внешней стороне отправления культа могут искупаться истовостью веры.

В образе Иисуса Христа характерный для теизма вектор личностной артикуляции персонифицированного Бога находит свое максимальное проявление: Абсолют обретает не просто персонифицированный облик, но подлинно экзистенциальные человеческие черты, оказываясь открытым не только для диалогического Откровения, но и для страдания, а значит, – сострадания и милосердия, инспирируя, по Э. Фромму, фундаментальный переход европейской культуры от «религии страха» к «религии любви» [2].

Православная традиция акцентирует феномен искупительной жертвы Христа как выходящий за пределы оценочной этики акт милосердия и спасения человечества, несмотря на людскую греховность. В соответствии с этим нравственная максима достойного «несения своего креста» апплицируется на парадигмы и человеческого поведения: аксиологически значимый статус страдания «сердца болезнующего», и аскезы в христианской этике, что задает глубокий и глубинный психологизм христианской культуры. Этот психологизм фундирован базисной для православной традиции идеей диалогизмаса-бытия человека с Богом, максимально реализующегося в феномене Откровения и предполагающего остро личное эмоциональное переживание любви к Богу. На этой основе формируется мировоззренческая парадигма не чувственного и не бесчувственного, но сочувственного отношения к миру. Типичным примером может служить в этом отношении позиция Максима Исповедника, ярко контрастирующая с западноевропейскими нравственными программами, основанными на постулате бесстрастной атараксии (стоицизм и т. п.).

Подобное ценностное основание задает православной (как и христианской в целом) традиции отчетливо проявляющуюся ориентацию на рефлексивные формы сознания: интенции на осознание собственной греховности, оценочное осмысление собственной веры и т. п. В рамках европейской культуры оформляются, особенно после «Исповеди» Августина [1], не только идеалы, но и технологии глубинной интроспекции и скрупулезной морально-психологической рефлексии, – задается традиция культивации рафинированного интеллектуального самоанализа, который, собственно, во многом делает Европу Европой.

Православный Символ веры, основанный на идее вочеловечивания Бога, задает в культуре человекосоразмерную парадигму божественного служения, понятого не в качестве дискретного героико-экстатического подвига, но в качестве неизменного достоинства и перманентно повседневного милосердия в отношении к ближнему (не экстремум, но норма; с любовью, но не со страстью), делает акцент не на человечестве, но на человеке: «...Жаждал, и вы напоили меня... Истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев моих меньших, то сделали мне» (Мф. 25:35–40).

Особое значение обретает в этом контексте образ Иисуса Христа, центрирующий европейскую культуру в смысло-жизненном отношении: с одной стороны, фундируя характерную для Европы систему ценностей, с другой – задавая в контексте европейской культуры поведенческие сценарии, во многом альтернативные исходным западным поведенческим программам. Активизм уравнивается христианской идеей препоручения себя в руки Божьи, индивидуализм смягчается максимой любви к ближнему, волюнтаризму противопоставляется нравственная ценность смирения, а тотальное доминирование рационализма снимается идеей Откровения. Даже исконно присущие западной традиции логико-вербальная ориентация, интеллектуализм, когнитивный и праксеологический оптимизм переосмысливаются и преисполняются новым значением благодаря пониманию Иисуса Христа как воплощенного Слова (Иоанн. 1:14).

В образе Иисуса Христа, акцентирующем не громовую мощь, но тихий глас Божий, в качестве основы и истока вселенского могущества и подлинной свободы выступает не внешняя (физическая или социальная) сила, но душевный покой (мир) и самообладание – парадигма силы духа, фундирующая в качестве своеобразной сакральной программной ценности всю европейскую культуру.

Именно посредством образа Иисуса Христа православие сохраняет в контексте европейского рационального технологизма и интеллектуализма особую артикуляцию любви как верховной ценности человеческой жизни. Например, нетипичная для Европы, но все же присутствующая в ее тезаурусе нравственная максима, сформулированная Людвигом ван Бетховеном: «Перед великим умом я склоняю голову, перед великим сердцем – преклоняю колени», могла появиться в европейской культуре именно и

только благодаря наличию в ней христианской традиции.

Не менее значимо и то обстоятельство, что в европейском культурном пространстве этического универсализма православие задает острую артикуляцию значимости личного прецедента Поступка. Формирование собственной готовности к этому Поступку, развитие способности к нему требует от человека особого – беспристрастно-критичного и творческого – отношения к себе, предполагающего кропотливый процесс формирования в себе тех нравственных и духовных качеств, которые необходимы для выполнения долга. Воспитание выступает как самовоспитание, а творчество – как «творчество себя», то есть направленное не на внешний предмет, но на собственный духовный мир, и предполагающее нравственное его очищение и культивацию позитивных духовных начал. Православная традиция демонстрирует высокие примеры подобного «умного деланья», творчества себя (например, в исихазме).

Таким образом, важнейшим аспектом православной культуры является ее интенция на формирование личности особого типа, а именно – личности, ориентированной на сохранение самотождественности и духовной автономии в социально-политических и духовно-идеологических контекстах, и, вместе с тем, нацеленной на индивидуальную ответственность за судьбы мира.

Литература и источники

1. Августин Блаженный. Исповедь. – М., 2013.
2. Фромм, Э. Психоанализ и религия / Э. Фромм. – М., 2010.

ДУХОВНО-РЕЛИГИОЗНАЯ ПАМЯТЬ И ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК ФАКТОРЫ КОНСОЛИДАЦИИ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

Я. С. Яскевич

Духовно-религиозная и историческая память народа, основанная на них национальная идентичность особенно остро заявляют о себе в эпоху глобальных изменений, на переломных этапах человеческого бытия. Без знания своего прошлого не построить будущего. История и культура народа как его генетический код определяют его судьбу. В частности, вне исторического и социокультурного прошлого не рождаются идеи гражданственности и патриотизма, так как патриотизм – «это не значит только одна любовь к своей родине. Это – осознание своей неотъемлемости от родины и неотъемлемое переживание вместе с ней ее счастливых и ее несчастных дней» (А.Н. Толстой).

В контексте глобальных трансформаций, критического переосмысления нашего прошлого, настоящего и будущего особенно остро заявляет о себе историческая и религиозная память нашего народа,